

DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.12

УДК 316.61:159.922.8

Д.М. Янбарисова

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК МАРКЕР ВЗРОСЛЕНИЯ: культурсоциологический анализ нарративов молодых людей

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК МАРКЕР ВЗРОСЛЕНИЯ: культурсоциологический анализ нарративов молодых людей

CORPORALITY AS A MARKER OF MATURITY: cultural and sociological analysis of the narratives of young people

ЯНБАРИСОВА Диана Маратовна — младший научный сотрудник Центра культурсоциологии и антропологии образования Института образования НИУ ВШЭ. E-mail: diyanbarisova@gmail.com.

YANBARISOVA Diana Maratovna – junior researcher, Center for Cultural Sociology and Anthropology of Education, Institute of Education, National Research University – Higher School of Economics. E-mail: diyanbarisova@gmail.com.

Аннотация. В статье¹ приводятся данные исследования способов обращения с телом в процессе взросления — в подростковом возрасте, который рассматривается как период активного экспериментирования и проб в различных сферах жизни. Тело, по мнению автора, является одним из основных испытательных полигонов в этом возрасте. Подростки изменяют внешний вид разными способами: от занятий спортом до употребления алкоголя, курения и т.д. Тело для них служит наиболее доступным для экспериментирования жизненным пространством; к тому же у подростков оно быстро меняется, создает потребность в освоении. Вместе с тем общество чувствительно к изменениям, особенно к девиациям. Подходящим ресурсом для анализа телесных практик в контексте взросления представляет культурсоциология тела. Изучение способов обращения с телом может вывести к полю смыслов, которые оформляют и другие действия, практики и выборы.

Особой значимостью с точки зрения перспектив развития исследования обладает, на наш взгляд, анализ трансгрессивных событий. Они играют большую роль в процессе взросления. Значимые границы в сфере

Abstract. The article provides results of a study concerning how the teenagers treat their bodies during the transition to adulthood seen as a testing period. At this stage the body is a test field. Teenagers try to change their body: they start doing sports, drinking alcohol, smoking et cet. Their body is an experimental ground; moreover, the body is rapidly changing and needs to be explored. At the same time, the society is change-sensitive especially when it comes to deviations. Cultural sociology of the body helps analyzing body practices during the transition to adulthood. New implications shaping actions, strategies and choices may be found through studying body practices.

A special attention should be paid to the analysis of transgressive events that play a substantial role during the transition to adulthood. Body boundaries expressed through transgression as well as binary oppositions describe the order that defines decision making, choices and life trajectories of young people.

¹ В работе использованы результаты проекта «Мониторинг образовательных и трудовых траекторий россиян», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

телесности, эксплицируемые при трансгрессии, как и выделенные нами бинарные оппозиции, очерчивают порядок, который регулирует принятие решений, выборы и способы построения молодыми людьми своих жизненных траекторий.

Ключевые слова: культурсоциология тела, пробы, неопределенность, эмоции, телесность, взросление

Keywords: cultural sociology of the body, tests, uncertainty, emotions, corporality, maturity

В социологии процесс взросления в основном тематизирован в теориях жизненного курса и перехода к взрослости (transition to adulthood) [6, 8, 13–16]. Традиционно переход к взрослости определяется через вступление в определенные роли, маркируемые в качестве характерных для «взрослых». Как правило, речь идет о ролях работника, супруга, родителя [14], иногда список расширяется [17]. События, инициирующие вступление в эти роли, включают соответственно выход на рынок труда, начало отдельного от родителей проживания, вступление в брак, рождение ребенка [15]. Работы, посвященные изучению перехода к взрослости именно через вступление в роли, часто сосредоточены на определении возраста и последовательности вхождения в эти роли [14, 15]. В последнее время прослеживаются несколько тенденций: во-первых, границы перехода к взрослости размываются (т.е. период интенсивного освоения традиционно «взрослых» ролей расширяется), во-вторых, варианты последовательностей вхождения в роли дифференцируются (например, рождение ребенка может опережать вступление в брак или выход на рынок труда), в-третьих, появляются и становятся более распространенными «новые» типы поведения (и соответственно ролей), такие как самостоятельное проживание, гражданский брак, появление внебрачных детей. Как правило, в работах, посвященных переходу к взрослости, заложена имплицитная модель нормативного перехода, на что направляется критика некоторых авторов [13]. Ряд авторов сосредотачивает внимание на субъективном понимании взрослости и взросления [8, 16]. В некоторых работах такой исследовательский фокус противопоставляется пониманию взрослости и взросления как освоения различных ролей [8].

В связи с изменениями в процессах взросления в современном обществе была сформулирована теория «возникающей взрослости» [7], которая описывает затянувшийся переходный этап между подростковым возрастом и взрослостью, характеризуемой вхождением во все или в большинство маркируемых в качестве взрослых ролей. «Возникающая взрослость» представляет собой новый полноценный этап жизненного курса, не привязанный к конкретному возрастному периоду. Отчасти он характеризует, скорее, даже стиль жизни, чем фазу взросления.

Так как большинство жизненных переходов, маркированных традиционными ролями, в настоящее время происходят в более позднем возрасте, чем раньше, молодые люди дольше находятся в «подростковом» возрасте, когда физиологическое взросление опережает другие перемены в жизни. «Подростковость» можно рассматривать как период, сменивший обряды инициации, перехода от детского состояния к взрослому [11]. Теперь, во-первых, переход растягивается на более или менее продолжительное время. Во-вторых, в отсутствие обязательных, четко определенных ритуалов возникает вопрос о том, какими способами

осуществляется переход от детства к взрослости, что именно делают подростки, чтобы этот переход реализовать.

Теоретическая база исследования

Основным элементом развития и взросления считается пробное действие [5]. В этой перспективе взросление может быть рассмотрено как период активного «пробования», направленного на освоение новых способов действия и ролей. Отсюда возникает гипотеза, что одним из наиболее доступных элементов для освоения жизненных пространств является тело. Взрослея, человек получает все больше телесной автономии: сначала тело ребенка практически полностью контролируется родителями или другими старшими (перемещения, состояние здоровья, внешний вид и пр.), по мере взросления контроль, как правило, постепенно передается самому человеку. В подростковом возрасте тело меняется, у него появляются новые возможности, которые можно испробовать, испытать, чтобы освоить его.

В то же время тело обладает большим потенциалом для концентрации смысла и является «одним из наиболее стабильных и общезначимых локусов сакрального» в современном мире [3, с. 62]. Если в первобытных обществах, которые изучал Дюркгейм, сакральное было локализовано в конкретных объектах религиозного содержания, принципиально отделявшихся от профанных объектов, то сегодня именно тело может быть безусловным и общим для всех носителем сакрального [3]. Этот аргумент можно проиллюстрировать на примерах, связанных с осквернением принятого телесного канона, или моделей тела. Имеются ввиду «коллективные представления о человеческом теле, маркированные сверхинтенсивными коллективными эмоциями» [3, с. 59]. Поэтому нарушение границ (осквернение) тела сопровождается сильной эмоциональной реакцией со стороны общества. Например, нетерпимое отношение к гомосексуальности во многом связано именно с реакцией на нарушение базового различия «мужского–женского», укорененного в теле. Более яркий пример нарушения этого различия и последующей реакции на него — ажиотаж вокруг победителя конкурса «Евровидение–2014». Наибольший резонанс вызвал не сам факт того, что победитель — трансвестит, а то, что он не идет в своем перевоплощении до конца, акцентируя одновременно внешние характеристики женского и мужского тела, тем самым нарушая одну из основных бинарных оппозиций (мужское–женское). К базовым различиям такого же рода можно отнести ««естественное–искусственное», «взрослое–детское», «молодое–старое», «целостное–расчлененное»» и др. [3, с. 68]. Анализ того, как работают подобные бинарные оппозиции в контексте взросления, что считается нормальным, а что — нет, позволяет не только описать господствующие модели телесности, но и соотнести их с более общими способами действия и принципами принятия решений. Можно переформулировать это в терминах, более близких к теории пробного поведения: мы предполагаем, то, каким образом молодые люди осваивают свои тела, может отражаться на том, как они осваивают другие жизненные пространства по мере развития их траекторий.

Попытаемся выявить смыслы, которыми наделяется тело с точки зрения взросления, а также стратегии его освоения. В методологическом плане нас интересуют не только следование определенной модели тела, но и нарушение значимых границ (трансгрессия), которое делает существующие различия более явными.

Методология анализа

На тематическом (содержательном уровне) отбирались сюжеты, в которых так или иначе затрагивалась телесность, в частности способы ухода за собой, изменения внешнего вида, спорт и другие телесные практики. На концептуальном уровне мы сосредотачивались на выделении бинарных оппозиций, которые организовывали нарративы респондентов, позволяя выявлять ключевые смыслы телесности в контексте взросления. Некоторые оппозиции актуализировались на уровне нескольких кейсов. Например, оппозиция «мужское–женское» в той или иной степени задавала смысловую рамку для целого ряда нарративов молодых людей в контексте взросления и телесных практик. Мы отобрали несколько отрывков из интервью, для которых данная оппозиция особенно характерна. Вторым принципом отбора аналитических единиц касался трансгрессивных событий, связанных с нарушением значимых границ, маркерами которых на уровне конкретного интервью являются сензитивность, насыщенность эмоциями, невыразимость в языке.

Информационная база исследования

В статье использованы данные интервью, проведенных в Ярославле в сентябре 2012 г., с участниками анкетного опроса в рамках проекта «Мониторинг образовательных и трудовых траекторий» — лонгитюдного исследования, организованного Институтом образования НИУ ВШЭ в 2009 г. Информанты для интервью отбирались из участников второй волны лонгитюдного исследования, проведенного весной-летом 2012 г. В первой волне, прошедшей в 2009 г., приняли участие 2000 учащихся 9-х классов из школ Ярославской области. Во второй волне участие приняли 1500 человек: к тому моменту они учились либо в 11-х классах, либо в начальных/средних профессиональных учебных заведениях.

Для интервью случайным образом отобраны 15 выпускников школ 2012 г. в Ярославле. Интервью носили биографический характер. Кроме обозначенных выше тем, связанных с телесностью и телесными практиками (внешний вид, занятия спортом, различные эксперименты над телом), особое внимание уделялось вопросам, касающимся обучения в школе, выбора и смены образовательных институций, планов на будущее. Продолжительность одного интервью составляла 1–1,5 часа.

«Внутренняя» взрослость

Одна из интересных оппозиций, выявленных по отношению к взрослению и взрослости, — «внутренняя»/«внешняя» взрослость. «Внутренняя» взрослость неявно предполагает наличие «внешней». Возможно, она маркирует ощущение некоторой непохожести на других, несоответствия тому, что принято ожидать от человека такого возраста.

Вопрос о том, считают ли молодые люди себя взрослыми, задавался факультативно, но в нескольких интервью этот сюжет проявился сам. Для ряда молодых людей внутреннее ощущение взрослости обладало значимостью и смыслом. При этом апелляция к внутренней взрослости происходила в связи с осмыслением характеристик, о которых речь пойдет ниже.

«Я вообще думаю, что мне уже лет восемьдесят внутри... связано со здоровьем и со всем» (интервью 1, ж).

Ощущение внутренней зрелости связано со значимым жизненным опытом, приобретенными взглядами на жизнь, обладающими субъективной ценностью. Большое значение при этом придается общению со старшими.

«Наверное, всегда общалась с людьми старше меня. Очень хорошо всегда общалась. И... видя их жизнь, старалась быть взрослей. Ну, наверное, так... Ну... как вот авторитет какой-то... ты стараешься подняться не до этой ступеньки, а лучше еще выше» (интервью 1, ж).

Ценность жизненного опыта подчеркивается через апелляцию к внутренней силе, способности за себя постоять. Интересно упоминание здоровья в первой цитате. Не очень хорошее его состояние рассматривается в качестве индикатора насыщенной событиями, активной жизни.

Зрелость может субъективно осмысливаться и через самостоятельность. Она описывается через осознанность выбора, наличие собственного мнения и способность действовать в соответствии с ним. Ощущение внутренней зрелости связано со способностью организовать свое время либо, даже если изначальный импульс исходит извне (например, от родителей), придать деятельности собственный смысл, релевантный с точки зрения своих целей, задач и жизненной траектории, воспринимаемой из конкретной биографической ситуации.

«Подростковость» в телесных проявлениях

В нескольких интервью появился сюжет оценивания собственной внешности (стиля, одежды) в категориях «подростковости», «детскости» с позиции сегодняшнего более взрослого состояния. Внешний вид и практики привязывались к определенному периоду взросления, рассматриваемому в качестве завершеного на данный момент. Таким образом обеспечивается позиция наблюдателя, который способен увидеть некоторое явление/событие, только выйдя за его рамки.

Р: Еще я очень, ну, сейчас уже это меньше проявляется, я очень любила яркие лаки. Все равно были у меня достаточно хорошие ногти, и... я красила всевозможными цветами, яркими, ядовитыми свои ногти. Это мне так нравилось! Ну, и сейчас уже неважно это. Такое... может, такая... подростковость прошла, и сейчас уже такое... ну, не очень яркие. Я не люблю, там... такие ногти длинные и макияж.

И.: А почему это с подростковостью связано?

Р: Не знаю, потому что у меня была все время такая очень яркая одежда. Тоже такая вся разных цветов. Вся была такая яркая! У всех были, там, темные куртки, у меня — ярко-желтая! Все ходили, там, в черных сапогах, а я купила себе, там, ярко-розовые берцы, там. Ну, вообще, то есть такое было... можно сказать, крайности» (интервью 7, ж).

Эти цитаты интересны в связи с особенностями понимания «подростковости» в пространстве телесных проявлений, а также с тем, что она рассматривается как пройденный этап, который может быть оценен только из другого состояния. Респонденты пережили некоторую трансформацию, переход из подросткового состояния во взрослое. В некоторых случаях удалось отследить важные с точки зрения такого перехода события (например, появление серьезных отношений), которые отражаются и на внешнем виде, и на повседневных практиках, а также на самоощущении.

Часто подростковый внешний вид описывается через яркие цвета, которым приписывается функция реализации желания как-то выделиться, быть не как все. «Ну, тогда в

моду вошли цветные волосы (смеется). Розовые прядочки, фиолетовые прядочки, красные, черные, зеленые. Потом уже решила, что я выросла из этого. Ну как, я очень рада, что именно в то время прошла этот период, потому что я сейчас смотрю на девушек, которым лет по 20, они выглядят, как, мягко говоря, как чучела. Ну не знаю, как можно: ей уже о будущем своем думать надо, а она уже вся разноцветная» (интервью 11, ж).

Здесь к тому же в явном виде присутствует представление о необходимости временной локализации определенного стиля (например, эксперименты с внешностью) в рамках подросткового периода. Эксперименты с внешним видом (яркие цвета в одежде, яркие волосы и др.) напрямую связываются с незрелым, невзрослым состоянием, не совместимым с мыслями о будущем, характерными для взрослых. Отсюда оценка разноцветного внешнего вида взрослых людей как выходящего за границы нормы. Это что-то, что лучше и желательнее пережить в подростковом возрасте. Роли взрослого человека — работа, семья и отношения — предполагают другой стиль.

Яркая внешность в подростковом возрасте субъективно интерпретируется не только через желание выделиться, но и даже через некий вызов обществу, потребность в котором впоследствии пропадает. В одном случае этот период (связанный как с экспериментами с внешностью, так и с другими практиками, например, нахождением в плохой компании) был оценен из нынешней точки развития как неправильный, вызывающий теперь чувство стыда и неловкости. В то же время тот факт, что он был пережит в правильном возрасте, оценивается как положительный.

Приведем еще один отрывок, иллюстрирующий, как оцениваются изменения внешнего вида в подростковом возрасте и как им приписывается тот или иной связанный с взрослением смысл.

Р: Да не скажу, я просто маленький был. Не знаю, модно что ли тогда было.

И.: Маленький, в смысле по возрасту?

Р: Ну да, в плане, лет до двенадцати так одевался, лет до тринадцати, потому что считал, что это модно, и нравилось мне это. Потом как-то, ну. Не знаю, может, чувства стиля не было...» (интервью 13, м).

Таким образом, через внешние телесные проявления в представленных отрывках проявляется оппозиция «ребенок–взрослый». Можно предположить, что, находясь в позиции, которую сейчас молодые люди маркируют как детскую, они апеллировали к еще более детскому состоянию, по отношению к которому выстраивали себя по-взрослому, в том числе с помощью своего тела, внешнего вида. Другими словами, оппозиция «ребенок–взрослый», будучи ключевой в процессе взросления, скорее всего проявлялась в рассмотренных кейсах аналогичным образом и в более раннем возрасте.

Трансгрессивные события

Один из ключей к обнаружению различий, структурирующих жизнь человека, — трансгрессивные события, т.е. события, для которых характерно пересечение значимых границ [4]. Их маркером, в том числе на уровне отдельных кейсов, являются сильные эмоции. События, насыщенные ими (особенно отрицательными), могут быть сензитивной темой для респондента, что сопряжено с некоторыми трудностями. Приведенный ниже отрывок был единственным, в котором удалось тематизировать трансгрессивные события.

И.: А какой был самый такой, ну, неприятный случай, за который сейчас, может быть, стыдно...

Р: Последний звонок в девятом классе. Ну, как, мама, в принципе, ну, была в шоке. Папа до сих пор не знает, ну, как, он догадывается, что что-то там тогда было, вот. Меня на такси довезли. Еще, ну, соседи видели, а так вообще кошмар. Ну, я как вспоминаю, у меня аж волосы на голове шевелятся. Ну, реально, ребенок ребенком была.

И.: А что произошло? Вот с той же компанией это было?

Р: Ну, почти, да. Там заказали столик в баре и, несмотря на то что нам никому восемнадцати лет не было, ну, как, выпили. И, кошмар, не хочется об этом вообще вспоминать» (интервью 11, ж)

Данный случай тесно связан с пробным поведением и по сути является его следствием. Под таким поведением мы понимаем процесс интенсивного освоения тела в различных его аспектах. Пробное поведение также связано с понятиями риска и неопределенности. Любые пробы так или иначе характеризуются неопределенными результатами. Неопределенность (с которой связано практически любое освоение новых пространств) сопряжена с риском [4]. В условиях неопределенности трансгрессия может выполнять функцию не нивелирования, а, наоборот, актуализации границ порядка [1], которые становятся более явными в том числе и для исследователя. Приведенная выше цитата полностью иллюстрирует утверждение: границы, нарушенные при трансгрессивном событии, закрепляются, проявляются и напоминают о собственной значимости. Важно, что нарушение границ, связанных с телом, возможно, обладает наиболее сильным эффектом (в том числе по эмоциональной силе). Трансгрессивные события играют важную роль в процессе взросления, так как могут стать определенными поворотными точками, с которыми связываются те или иные важные изменения.

На языковом уровне на трансгрессивность события в отрывке указывают слова «кошмар», «жутко стыдно», «аж волосы на голове шевелятся». Само событие скрывается за этими маркерами, не облекается в слова. Это еще раз подчеркивает факт нарушения значимых границ: опыт до сих пор связан с сильными эмоциональными переживаниями, при этом он нелегитимен, что проявляется даже на уровне языка.

Спорт

Спорт как телесная практика играет важную роль в освоении тела. Согласно нашей гипотезе, он может быть одним из важнейших пространств поисков себя и стратегий освоения тела, особенно для молодых людей. Это предположение иллюстрируют следующие отрывки:

Р: Ну, занимался в основном, чем бы ни занимался, ну, год айкидо отходил... тоже год в конно-спортивную... я занимался, ну, не ради соревнований, а для себя. Мне это что-то дало, то... и... как-то решил, что хватит... нужно еще что-нибудь поискать. Пока, может, не нашел то, в чем я собираюсь... там прям всю жизнь заниматься» (интервью 2, м).

«Р: Вот, как-то, ну захотелось уже чем-то заниматься. Искать себя же надо в чем... в чем-либо. Вот, и поэтому я пошел в рукопашный бой. И как-то начал уже заниматься, вошел во вкус. И до сих пор спорт» (интервью 13, м).

Несколько респондентов серьезно занимались спортом на протяжении долгого времени, в какой-то момент перед ними встал выбор, заниматься им профессионально или выбирать другой путь. Все участники исследования выбирали другие варианты профессионального развития, аргументируя это разными причинами (недостаточные способности, маленький доход профессиональных спортсменов, тяжелая жизнь и отсутствие шансов чего-то реально добиться). Перед началом исследования у нас была гипотеза о том, что регулярная работа над собой, своим телом (спорт как один из типичных примеров) формирует и воплощает некоторый внутренний порядок, который может проявляться в общей схеме действия в других сферах жизни. Спорт в этом плане может быть рассмотрен как одна из практик упорядочивания жизни и как способ регулирования неопределенности. Другими словами, навык работы над собой может быть ресурсом упорядочивания, структурирования своей жизни. Но интервью показали, что может и не быть. Важно, используется ли этот навык в качестве ресурса.

Мы предполагали, что работа над телом способствует осознанной, упорядоченной работе над различными жизненными задачами. С психологической точки зрения важно понимать, соотносит ли человек то, что декларирует как важные для него цели (чего он хотел бы достичь в будущем), и то, что он реально делает в настоящем. Навык работы над телом предположительно способствует лучшему соотношению этих двух аспектов. Рассмотрим подробнее несколько кейсов.

Одна из респонденток с детства и по сей день регулярно занимается танцами. Она сознательно отказалась от идеи строить профессиональную карьеру в этой области, сейчас для нее танцы — это хобби. У нее появился альтернативный проект профессиональной деятельности, обладающий субъективной значимостью. Важно, что специальность обучения выбрана ею самостоятельно и осмыслена в качестве подходящей, интересной и ценной. Ситуация другой респондентки отлична. Она тоже серьезно занималась спортом во время обучения в школе, но потом решила, что не будет строить спортивную карьеру, бросила занятия, чтобы сосредоточиться на учебе. Но выбранная в итоге специальность не обладает для нее большой субъективной ценностью (нет ощущения перспективы и собственных возможностей). Иначе говоря, опыт спортивной деятельности и успехов не стал ресурсом для других сфер жизни. Вместе с тем важно, что именно субъективно оцениваемый недостаток способностей послужил причиной ухода из спорта и отказа от построения профессиональной спортивной карьеры. Возможно, использование или неиспользование навыков работы над собой в других сферах жизни отчасти зависит от отношения к неопределенности.

Существуют разные способы работы с неопределенностью. Она может быть ресурсом для пробного поведения и экспериментов, для построения и поиска себя, дает некую свободу действий с не предсказуемым заранее результатом. В полностью определенной среде пробы фактически невозможны, так как исход любого действия всегда известен. В то же время неопределенность может вызывать тревогу, неприятные ощущения, будучи связана с риском. Важно, что сформированный навык упорядочивания опыта с помощью работы над телом не может гарантировать положительное отношение к неопределенности, т.е. использование ее в качестве ресурса. Вероятно, здесь важна способность формулировать значимые цели и ориентиры, по отношению к которым можно выстраивать

упорядоченную жизнь, а также вера в свои силы (представление о реальности поставленных целей). Последнее связано с субъективно воспринимаемым горизонтом возможностей, зоной, в которой человек способен что-либо менять. Отсутствие готовности рисковать, как правило, сдерживает пробное поведение, что может выражаться через страх сделать что-либо неправильно.

«Р: Я, как сказать, я боялась что-то сделать не так. Ну, то есть всегда старалась все сделать правильно. А сейчас я, если что-то, ну, что-то думаю, ну, боюсь что-то сделать неправильно, я посоветуюсь просто и спрошу совет, как лучше сделать» (интервью 3, ж).

Категории правильности-неправильности берут на себя функцию упорядочивания, структурирования жизни. Если переживание неопределенности связано с дискомфортом, эти категории могут быть достаточно жесткими, и их нарушение предположительно сопряжено с крайне сильными негативными эмоциями. При этом различие правильного-неправильного, предположительно, во многом осуществляется с опорой на взгляды и оценку значимых старших, чаще всего родителей. Они часто могут быть не результатом выработанных в результате проб взглядов, а некоторыми готовыми, позволяющими избежать собственные поиски конструкциями. Они могут хорошо работать в целях упорядочивания жизни, но, вероятно, гораздо менее гибки, их сложно приспособлять к изменениям, которые интенсивно происходят в процессе взросления и ранней взрослости.

Мужское–женское

Проанализируем кейс, в котором гендерное измерение и различие мужского и женского наделялось большой значимостью. Гендерное измерение актуализируется при описании и осмыслении некоторых качеств, напрямую не связанных с той или иной половой принадлежностью, но обусловленных культурно.

«Р: Я просто думала, что во мне очень много мужских качеств... Я... ну... я все люблю вот... все мужское я люблю... я говорю: “Я понимаю мужчин”. Я говорю: “Вообще все девушки, они дуры”. Но они дуры! Маму ругаю. Я всегда отстаиваю там... мужскую точку зрения потому, что девушки это... ну...ну, я, я не знаю... Вот... я говорю... ну вот, внутри какое-то что-то мужское. Это, наверное, какой-то стержень... который... Сильным девушкам тяжело» (интервью 1, ж).

Внутренняя сила, независимость обладают большой субъективной значимостью и ценностью. Через апелляцию к мужскому выстраивается собственная уникальность, непохожесть на других девушек. Конструирование внутренней непохожести осуществляется также с помощью тела, в пространстве тела. Мужское проявляется как на уровне характера, так и на телесном уровне.

«Р: Они вечно красят ногти. Если ноготь сломается, они плачут. Я в своей жизни ну... ну я не... я даже не... ну, может быть, раз десять я накрашила ногти. Причем это было... Я накрашу ногти, но... как это, надо как-то соответствовать... ну, я все равно девушка... Я накрашу ногти, а утром я просыпаюсь от того чувства, что я не могу... я

не могу!... я стираю... я стираю этот лак... Я... я крашусь очень редко... ну, считай... я тональником в своей жизни пользовалась раза два. Я крашу ресницы, ну, чтобы выделить. Они у меня длинные на самом деле. И... ну... плюсы я подчеркиваю. Ну... вот... из женского... я обожаю платья, ненавижу каблуки. Это единственное, что из женского...» (интервью 1, ж).

Различение мужского-женского, важного в плане конструирования себя, отчасти связано с различием внутреннего-внешнего. Респондентка неоднократно подчеркивает важность и ценность внутреннего. «Р: Ну, я люблю очень общаться, ну, то есть, быть как все. Но внутренне, да, ты должен знать, что ты не такой как все» (интервью 1, ж).

Важность внутреннего подчеркивается также декларируемо пренебрежительным отношением к внешнему и внешности в том числе. «Р: Ну... не... не очень люблю там ухаживать за собой. В школу могла приходиться с... вот такие волосы! (показывает жестом) Меня называли наркоманкой, потому что у меня вечные круги под глазами, я мало сплю, нервничаю. Я каждый... мне без разницы, как я выгляжу (смешок). Я говорю... Я лучше не крашусь, я лучше приду лохматая, но я не опоздаю. Я пунктуальная» (интервью 1, ж).

Уход за собой противопоставляется внутренним качествам, свойствам характера (например, пунктуальности). Внешность представляется свидетельством активного образа жизни, например, через следы недосыпа и другие проявления пренебрежительного отношения к внешнему виду. Уход за собой рассматривается не только как женская практика (и в этом плане пренебрежение уходом за собой используется респонденткой как ресурс конструирования себя как нетипичной, сильной женщины), но и как деятельность, нехватка времени на которую свидетельствует о наличии более значимых целей и практик. В этом плане лохматость или круги под глазами являются маркерами мужского как внутренней силы, стержня и активной, наполненной жизни. То же самое касается и отношения к здоровью. При этом нарочито пренебрежительное отношение к себе противопоставляется отношению к другим, возникает альтруистический мотив.

«Р: Вот я ленюсь в плане только себя. Своего же здоровья... своей же внешности и... там... аккуратно к себе относиться... Я не могу так относиться к людям... все для кого-то, но не для себя. Есть такое... пытаюсь исправить, конечно» (интервью 1, ж).

Таким образом, подчеркнута пренебрежение уходом за внешностью и здоровьем обладает следующими смыслами.

Мужское в противовес женскому. Мужское как внутренняя сила, внутренний стержень на телесном уровне выражается в пренебрежении женскими практиками ухода за внешностью (краситься, красить ногти, долго выбирать одежду и т.д.).

Внутреннее в противовес «внешнему». Значимость внутренних качеств выше, чем то, как человек выглядит (например, важнее не опоздать, быть пунктуальным, чем накраситься). Отсюда возникает противопоставление деятельности, направленной на уход за телом (вкладывание сил и энергии в свою внешность и здоровье), деятельности, направленной вовне, на достижение других значимых целей (игра в театральные студии, учеба и т.д.). Последнюю также можно рассматривать как вкладывание сил в себя, но именно в логике разделения внешнего и внутреннего: самосовершенствование, развитие внутренних качеств, стремление достичь своих целей.

Для других в противовес для себя. Для других можно сделать то, на что обычно не хватает времени (и лень) для себя. Пренебрежение собой (в плане внешности и здоровья) может также наделяться смыслом активного внимания к другим.

Драка как мужская практика

Драку можно рассматривать как один из ритуалов, в котором воспроизводится и поддерживается определенная модель мужского («я считаю, что мужчина должен уметь драться», интервью 13). Во время драк молодые люди отрабатывают то, чем занимаются на тренировках [2]. Травмы считаются неотъемлемым элементом и драк, и спорта, и мужского в общем. Травмы — то, что должно восприниматься как норма.

Существует представление о нормальных участниках ритуала драки, таких же, как сам респондент («спортсмены»). Именно с ними ритуал может быть осуществлен по правилам.

«Р: Ну, пару раз там и спортсмены были, пару раз и вообще какие-то непонятные. Раз стукнешь и все. И как-то не понимаешь, чего хотел» (интервью 13, м).

Непонятные — те, кто не может полноценно осуществить и поддержать ритуал, не понимают правил, по которым он осуществляется. Ситуация драки, таким образом, также может выполнять функцию различения нормальных и непонятных.

По словам респондента, к нему часто приставали из-за его внешнего вида.

«Р: Ну вот, в основном из-за этого и приставали. Ну, лет, наверно с четырнадцати.

И: Из-за волос приставали?

Р: Конечно. Я же вон в узких джинсах хожу обтягивающих, не знаю, как колготки. Постоянно, что-то не так одет» (интервью 13, м).

Умение постоять за себя дает возможность одеваться так, как нравится, большую свободу.

Один из самых важных смыслов драки — дать сдачи. «Р: Когда бывает просто тебя заденут ни с того ни с сего. Естественно, как говорится, простите за выражение, «схватить» я это не хочу, и даю сдачи, чтобы человек знал свое место» (интервью 13, м).

Драка выполняет функцию установления микропорядка — «чтобы человек знал свое место» — и обладает моральным подтекстом. Драка — это всегда про «дать сдачи» и «поставить на место», т.е. у нее есть некоторый моральный смысл, который подчеркивается отдельно, в частности через неконфликтный характер респондента.

«Р: Я сам-то вообще ну неконфликтный человек как бы. Пока меня не заденут, скажем так. Ну в физическом плане, то есть я не обращаю внимания на слова, что бы там они не говорили. Все стараюсь словами решать. Но когда уже я получаю, я всегда даю сдачи» (интервью 13, м).

«Р: Я первый так никогда никого не трогаю. Даже вот в школе помню, как обычно старшеклассники начинают издеваться там, прикалываться, еще как-то над младшими-то детьми. Я никогда этого не делал. За дело ругал, а так, чтобы просто так гонять, никогда такого не было» (интервью 13, м).

В последней цитате видно, что тех, кто дерется, можно разделить по крайней мере на две категории: тех, кто издевается, начинает драку, и тех, кто дает сдачи, но никогда не дерется просто так. Первые нарушают, вторые восстанавливают порядок. Респондент ассоциирует себя со вторыми. Драки воспроизводят и поддерживают это различие, которое распространяется на моральные принципы человека. Именно поэтому уличные драки ценны с точки зрения реальной возможности защитить себя, применить навыки, полученные на тренировках. Ощущение моральной правоты наделяет драку большим значением и предположительно является важным источником энергии. Травмы и повреждения в этом контексте можно рассматривать как свидетельства, метки, которые символически репрезентируют ритуал драки.

Важно, что описанная нами через сюжет драки модель мужского конструируется с детства, предположительно в специфических средах и контекстах. Именно в период взросления оформляется и ритуально закрепляется (в том числе через уличные драки) установка на умение постоять за себя, дать сдачи, если в этом возникнет необходимость.

Особой значимостью с точки зрения перспектив развития исследования обладает, на наш взгляд, анализ трансгрессивных событий, которые можно рассматривать в качестве следствий пробного поведения. Трансгрессивные события играют большую роль в процессе взросления. Значимые границы в сфере телесности, эксплицируемые при трансгрессии, как и выделенные нами бинарные оппозиции, очерчивают порядок, который регулирует принятие решений, выборы и способы построения молодыми людьми своих жизненных траекторий.

Литература

- 1 Батай Ж. Эротика // «Проклятая часть» : сакральная социология / Ж. Батай ; сост., общ. ред. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Ладомир, 2006. С. 491–705.
- 2 Вакан Л. Социальная логика бокса в черном Чикаго : к социологии кулачного боя // Логос. 2006. № 3.
- 3 Куракин Д. Ю. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе : к культурсоциолог. перспективе анализа // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2.
- 4 Куракин Д. Ю. Ускользящее сакральное : проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3.
- 5 Эльконин Б. Д. Действие как единица развития // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 35–49. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP012004/Edk-001.htm#>.
- 6 Andrew M., Eggerling-Boeck J., Sandefur G.D., Smith B. The “Inner Side” of the transition to adulthood : how young adults see the process of becoming an adult // Advances in Life Course Research. 2007. Vol. 11. P. 225–251.
- 7 Arnett J. J. Emerging adulthood : a theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. Vol. 55, Nr 5. P. 469–480.
- 8 Arnett J. J. Conceptions of the transition to adulthood : perspectives from adolescence through midlife // Journal of Adult Development. 2001. Vol. 8, Nr 2.

- 9 Barker E. T., Galambos N. L. Adolescents' implicit theories of maturity : ages of adulthood, freedom, and fun // Journal of Adolescent Research. 2005. Vol. 20, Nr 5. P. 557–576.
- 10 Billari F. C., Liefbroer A. C. Towards a new pattern of transition to adulthood? // Advances in Life Course Research. 2010. Vol. 15. P. 59–75.
- 11 Boston youth arts evaluation project handbook and workbook. Boston, 2012.
- 12 Elkonin B. D. Source and driving forces for development // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. Nr 5.
- 13 Marini M. M. Age and sequencing norms in the transition to adulthood // Social Forces. 1984. Vol. 63, Nr 1. P. 229–244.
- 14 Marini M. M. Initiation of the process of adult role entry // Population and Environment. 1985. Vol. 8, Nr 3/4. P. 240–274.
- 15 McDonald P., Evans A. Negotiating the life course : changes in individual and family transitions // Negotiating the Life Course Discussion Paper Series. Discussion Paper. DP- 013. 2003. April.
- 16 Shanahan M. J. Pathways to adulthood in changing societies : variability and mechanisms in life course perspective // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 667–692.
- 17 Super D. E. A life-span, life-space approach to career development // Journal of Vocational Behavior. 1980. Vol. 16. P. 282–298.